

УДК 811.511.142, 811.511.25, 81'367.332, 81'367.7, 81'37
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-102-126

Парадигма акциональных предложений в хантыйском и ненецком языках

Н. Б. Кошкарева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Акциональные предложения описывают разного рода воздействия субъекта на объект, при котором положение объекта в пространстве не меняется. Планом содержания является акциональная пропозиция, в состав которой входят три обязательных компонента – субъект, объект и предикат; планом выражения – модель элементарного простого предложения, в которой позиция объекта прототипически выражается именем в форме винительного падежа. В хантыйском и ненецком языках акциональные элементарные простые предложения, передавая однотипные отношения, различаются возможностями парадигматического варьирования. В тундровом ненецком языке коммуникативные варианты связаны с варьированием винительного, именительного, дательного и творительного падежей для выражения тематического или рематического объекта и инструмента / адресата. В казымском диалекте хантыйского языка форма винительного падежа представлена только в системе прономинального склонения, имя существительное в объектной позиции стоит в форме именительного падежа. Соответственно, для выражения актуального членения используются, прежде всего, глагольные категории спряжения (противопоставление субъектного и объектного типов спряжения) и залога, так как падежная система максимально свернута. Коммуникативная парадигма в ненецком языке связана с варьированием именных категорий, тогда как в хантыйском – с варьированием глагольных категорий.

Ключевые слова

элементарное простое предложение, синтаксическая парадигма, акциональное предложение, хантыйский язык, ненецкий язык

Для цитирования

Кошкарева Н. Б. Парадигма акциональных предложений в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 102–126. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-102-126

Paradigm of Actional Sentences in Khanty and Nenets

N. B. Koshkareva

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Actional sentences describe certain ways in which the subjects affect the objects while the object's position in space does not change. The plane of content is the actional proposition, which contains the three necessary components, namely the subject, the object, and the predicate; the plane of expression is the model of the elementary simple sentence where the object position is prototypically expressed by a name in accusative. In the Khanty and Nenets lan-

© Н. Б. Кошкарева, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

guages, the actional elementary simple sentences tend to express the same types of relations but differ in their potential for paradigmatic variation. In Tundra Nenets, the communicative variants are related to variation in the choice of accusative, nominative, dative, or instrumental cases in order to express the thematic or rhematic objects and instruments/addressees. In the Kazym dialect of the Khanty language, the accusative form is only used in the system of pronominal declination; in the object position, nouns in nominative case are used. Therefore, to express the thematic-rhematic articulation, verb categories of conjugation (opposition of subject and object conjugation types) are used, as well as genus, because the case system is contracted. In the Nenets language, the communicative paradigm is related to the variation in name categories, whereas in Khanty, it is related to variation in verb categories.

Keywords

elementary simple sentence, syntactic paradigm, actional sentence, Khanty language, Nenets language

For citation

Koshkareva N. B. Paradigm of Actional Sentences in Khanty and Nenets. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 102–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-102-126

Акциональные предложения описывают разного рода воздействия субъекта на объект типа «кто воздействует на кого / на что», при котором положение объекта в пространстве остается неизменным. Элементарные простые предложения представляют собой единство плана выражения и плана содержания: планом содержания является акциональная пропозиция, в состав которой входят три обязательных компонента – субъект, объект и предикат; планом выражения – модель $N^{AG}_{НОМ} N^{OBJ}_{АСС} V_f^{ACT}$, где $N^{AG}_{НОМ}$ – это субъект-агнс, выраженный именем существительным или его субститутотом в форме именительного падежа, $N^{OBJ}_{АСС}$ – это объект, прототипически выраженный именем в форме винительного (или именительного) падежа, V_f^{ACT} – акциональный предикат (глагол с семантикой воздействия).

Будучи единицей языка, акциональные предложения обладают широкими возможностями варьирования, образуя синтаксическую парадигму – систему форм, противопоставленных по предикативным категориям при сохранении пропозиции, отношений между компонентами и способа их грамматического выражения [СРЯз, 1997. С. 744–764].

Целью данной статьи является определение возможных границ варьирования акциональных предложений в двух уральских языках Сибири – хантыйском и ненецком, при котором тождество предложения самому себе сохраняется, и установление набора предикативных категорий, формирующих синтаксические парадигмы этого типа предложений в двух языках. Парадигмы описываются как комплекс взаимосвязанных формальных, семантических и коммуникативных категорий, устанавливается объем парадигмы акциональных предложений, отличающийся от объема парадигм других типов предложений.

Материалом исследования послужили данные по казымскому, шурьшкарскому, сургутскому диалектам хантыйского языка, а также по тундровому и лесному диалектам ненецкого языка, собранные прежде всего в полевых условиях. Собственные полевые материалы приводятся без ссылки на первоисточник в практической орфографии на основе фонематического принципа. Примеры, извлеченные из опубликованных источников, сопровождаются библиографическими ссылками. В первой строке примера воспроизводится запись в том виде, в котором она дается в первоисточнике, по необходимости в строке глоссирования может быть использована финно-угорская транскрипция, если авторский вариант записи затрудняет проведение морфемного членения.

Парадигма простого предложения в казымском диалекте хантыйского языка описана в монографии В. Н. Соловар [2009]. В других диалектах она имеет отличительные особенности, так как набор грамматических категорий имени и глагола в разных диалектах не совпадает. Акциональные предложения тундрового ненецкого простого предложения в общих чертах охарактеризованы в работе М. В. Баркаловой [2004]. В данной статье анализируются примеры из других диалектов этих языков: лесного ненецкого, шурьшкарского и сургутского хантыйского, вносятся некоторые коррективы в определение объема синтаксических парадигм в этих языках и проводится их сопоставление.

Понятие «парадигма предложения»

Понятие *парадигмы* является одним из ключевых в рамках структурализма и описания предложения как единицы языка, поскольку позволяет представить системные отношения на уровне синтаксиса и выявить дифференциальные признаки синтаксических единиц. Синтаксическая парадигма понимается как совокупность форм предложения, относящихся к одной грамматической категории и употребляющихся в одинаковой позиции [Общее языкознание... 1972. С. 334].

В русской грамматике пионерской в области синтаксической парадигматики следует, вероятно, считать работу Е. А. Седельникова [1961], где парадигма определяется как совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени. Соответственно, парадигма предложения восьмичленна и включает три времени индикатива и пять ирреальных наклонений. Такое же понимание парадигмы предложения представлено и в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой. Это пример узкого подхода к пониманию парадигмы предложения на основе предикативных категорий сказуемого, формирующих такие регулярные реализации, как обобщенно-личная, фазовая, модальная, количественная, отрицательная [Шведова, 1973. С. 20].

Обзор работ, посвященных синтаксической парадигматике, представлен в монографии М. В. Всеволодовой и О. Ю. Дементьевой [1997. С. 6–19]. На него ссылаются многие исследователи [Антонова, 2001; Джабраилова, 2015; Савосина, 1998; 2000], указывая в качестве первоисточника представлений о парадигме синтаксических единиц работу Д. Уорта [Worth, 1963], написанную в рамках трансформационной грамматики. В ней отражается широкое понимание парадигмы. Предложение может входить одновременно в несколько парадигматических рядов: в простых линейных парадигмах меняется только модально-временной план, конструктивно-синтаксическая форма предложения не затрагивается (*Я писал / Я пишу / Я буду писать*); в простых нелинейных парадигмах смена модально-временного плана частично меняет и конструктивно-синтаксическую форму предложения (*Он профессор / Он был профессором / Он будет профессором*); комплексные парадигмы представляют собой определенные преобразования синтаксической модели (схемы конструктивного строения) предложения [Ibid.] (цит. по: [Распопов, 1969. С. 92–93]).

Основополагающими в области синтаксической парадигматики признаются также труды представителей Пражского лингвистического кружка: они связывали синтаксическую парадигму со структурной основой предложения, включающей, кроме главных членов, также и те второстепенные члены, наличия которых требует валентность глагола [Зимек, 1966; Грабе, 1966; Адамец, 1966].

Единицами синтаксических парадигм П. Адамец считал модели предложения на определенной ступени развернутости [1966. С. 78]. Парадигма, как иерархически организованная система, включает ядерное предложение (исходную форму парадигмы) и его преобразования – трансформации, модификации и вариации. Трансформации характеризуются стабильностью содержательной стороны и изменениями в структуре ядерного предложения: *Директор утвердил приказ – Приказ был утвержден директором*. Модификации предполагают изменения модального или фазисного значения в результате введения нового элемента – модификатора: *Я приду – Я могу прийти*. Вариации связаны с изменением морфологических категорий отдельных компонентов (время, вид, наклонение, число) при полном сохранении синтаксической структуры и количества компонентов: *Я читаю / читал / буду читать книгу* [Там же. С. 78–79].

В отечественном языкознании за прошедшие полвека сформировалось около десятка концепций синтаксической парадигматики: формоизменятельная [Седельников, 1961; Шведова, 1967], деривационная [Белошапкина, Шмелева, 1981], коммуникативная [Золотова, 1982; Зо-

лотова и др., 1998], актуализационная (также коммуникативная) [Всеволодова, Дементьева, 1997; Всеволодова, 2000], аспектуальная [Белошапкина, 2007], комбинаторная [Гришина, 2001]; перформативная [Формановская, 2002], семантическая [РГП, 2002] и др.

При узком подходе к парадигме предложения должно соблюдаться требование структурного тождества, тогда как при широком подходе единство парадигмы определяется тождеством семантики, которое сохраняется при видоизменениях структурной схемы предложения и ее преобразовании в другие схемы. Деривационная парадигма включает исходные и производные построения, каждый ее член отличается от исходного определенным семантическим компонентом: фазисность (*Он начал работать над книгой*), модальность (*Он должен работать над книгой*), негация (*Не было дождя*), количественность (*Шум – Шуму!*), оценочно-экспрессивный смысл (*Он изменился – Как он изменился!*), авторизация (*Книга оказалась интересной*), интерпретация субъекта – неопределенность (*Звонят*) и обобщенность (*Вечно его ждешь!*) [Белошапкина, Шмелева, 1981].

В рамках широкого подхода активно обсуждается вопрос о пределах допустимого варьирования структуры и семантики предложения, о параметрах соотношения разнообразных вариантов высказываний с инвариантом.

О. И. Москальская выделяет два уровня модификаций предложения: внутримодельные (не изменяющие компонентного состава предложения) и межмодельные (изменяющие состав модели предложения). Формами предложения, составляющими в своей совокупности парадигму предложения, считаются только модификации структуры предложения, не нарушающие ее тождества: границей тождества предложения «является его структурная модель, и все модификации предложения, включаемые в парадигму предложения, должны протекать в рамках соответствующей модели предложения» [Москальская, 1974. С. 102].

Концепция парадигмы как системы межмодельных преобразований предложения активно разрабатывалась И. П. Распоповым и Т. П. Ломтевым.

И. П. Распопов различал парадигмы конструктивного и коммуникативного синтаксиса [1969. С. 94]. Конструктивные парадигмы строятся на основе глагольных категорий лица и залога, при варьировании которых сохраняется тождество ситуации (ср. в трактовке Е. А. Седелникова и Н. Ю. Шведовой базовые для парадигмы категории времени и модальности). По категории представления субъекта парадигму составляют предложения: *Кто-то постучал в дверь – В дверь постучали; Волна уносит лодку в море – Лодку уносит в море*. Парадигму по категории залога образуют предложения типа *Отец встречается с сыном – Отец встречает сына; Бухгалтер составляет смету – Смета составляется бухгалтером; Товарищу вспомнилась эта история – Товарищ вспомнил эту историю* [Там же. С. 95].

Под коммуникативной парадигмой предложений И. А. Распопов понимал систему видоизменений, связанных с целевым назначением предложения (повествовательный, вопросительный и побудительный типы) и с развертыванием его коммуникативной перспективы, которое «осуществляется (главным образом за счет порядка слов и интонации) в соответствии с определенным коммуникативным заданием и проявляется в соотношении компонентов его... актуального членения – темы и ремы» [Там же. С. 97].

Т. П. Ломтев вводит собственно синтаксическое определение парадигмы на основе набора грамматических категорий самого предложения, а не глагола. Грамматические категории – «различные классы лингвистических единиц и различные семантические свойства, которые выделяют и оформляют эти классы» [1972. С. 143]. Синтаксические категории предложения не дублируют систему морфологических категорий глагола, к ним относятся: утвердительность – отрицательность; вид общения (повествовательные, вопросительные, побудительные предложения); синтаксическое время (соотношение события с моментом речи); модальность (реальность – гипотетичность); модус существования – наличность, бытие, возможность, необходимость; субъективная оценка истинности или ложности сообщения; конвертируемость (отношения между двумя субстанциями – субъектом и объектом, при которых субъект предложения становится его объектом, например: *Тишина сменяет шум и Шум сменяется тиши-*

ной; данная категория связана с залоговыми трансформациями); определенность, неопределенность, обобщенность и формальность предмета (соотносится с классификацией предложений по наличию / отсутствию действующего лица в предложении); активность – демиактивность (противопоставление номинативных предложений, с одной стороны, и дативных и инструментальных предложений, с другой, ср.: *Он не спит; Ему не спится* и под.) [Ломтев, 1972. С. 62].

Близкий набор категорий вводится при описании коммуникативной парадигмы предложения, которая объясняет модификации языковой модели текстовыми, коммуникативными, социальными, стилистическими, прагматическими контекстами общения. Предложение претерпевает грамматические и структурно-семантические модификации, затрагивающие предикат (фазисные и модально-волеутивные модификации), субъект (определенно-личная, неопределенно-личная, обобщенно-личная модификации) [Золотова и др., 1998. С. 111–112], отражающие независимость предикативного признака от воли субъекта (волеутивность / инволеутивность), активность / неактивность – в форме залоговых трансформаций [Там же. С. 124]. Таким образом, коммуникативная парадигма предложения включает семь членов: две предикатные модификации, три субъектные, инволеутивная и пассивно-процессуальная модификации.

Коммуникативная парадигма в определении М. В. Всеволодовой и О. Д. Дементьевой представляет собой совокупность предложений, объединенных общностью отражаемой ситуации, каждое из которых служит решению определенной коммуникативной задачи. Коммуникативная парадигма объединяет два парадигматических ряда: актуализационную парадигму и ряд трансформационных парадигм для каждого варианта отношений предикирования.

Коммуникативная парадигма имеет полевою структуру. Ее ядром является изосемическая конструкция, представляющая ситуацию наиболее корректным способом – при помощи изосемических слов, синтаксические позиции которых соответствуют их денотативным и коммуникативным ролям; семантический субъект должен быть предиклируемым компонентом, например: *На ВАЗе (Loc) рабочие (S) выпускают автомобили (Ob) «Жигули»*.

Следующий слой составляет актуализационная парадигма, в рамках которой происходит тема-рематическая мена порядка слов, перенос рематического компонента в инициальную позицию, перестановка словоформ внутри синтагмы, топикализация. Каждый член актуализационной парадигмы имеет свою трансформационную парадигму, которая включает три типа предложений, построенных по следующим моделям: а) $N_1 - V_f - N_4$ с типовым значением «субъект и его действие»: *ВАЗ (Loc) выпускает «Жигули» (Ob)*; б) $N_1 - V_{pass} - N_5$ с типовым значением «объект и производимое по отношению к нему действие»: *ВАЗом (Loc) выпускаются «Жигули» (Ob)*; в) $N_1 - (COP) - N_1$ с типовым значением «субъект и его характеристика»: *ВАЗ (Loc) – это предприятие по выпуску «Жигулей» (Ob)* [Всеволодова, Дементьева, 1997].

Перформативные парадигмы (коммуникативно-семантические группы) включают стереотипные способы выражения перформативности, свойственные определенному интенциональному значению [Формановская, 2002].

В комбинаторную парадигму объединяются предложения «на основе учета комбинаторных потенциалов грамматических компонентов» [Гришина, 2001. С. 216]. Комбинаторная парадигма охватывает, во-первых, варьирование предикатного компонента, который может быть выражен личной формой глагола, императивом, инфинитивом, причастием, прилагательным, словом категории состояния, признаковым существительным и пр., во-вторых, варьирование субъектного компонента, ограниченное изменением имени по категории падежа. Такая парадигма является межмодельной и межуровневой, в ней объединяются такие предложения, как *Ему полегчало* (Дат. п. + глагол), *Ему плохо* (Дат. п. + категория состояния), *В нем нет страха* (Предл. п. + сущ. в косв. падеже), *Он грустит* (Им. п. + глагол) и др.

Аспектуальная парадигма простого предложения позволяет систематизировать припропозиционные смыслы (интенсивность, фазовость, однократность, длительность, результатив-

ность, множественность, соотношение с нормой и проч.), которые выражаются при помощи разноуровневых средств – различного вида аффиксации, корневой морфемой, а также определенной синтаксической конструкцией, например: *приболеть; слегка удариться; учиться пять лет; дети – бежать; он как прыгнет; гореть – тлеть – пылать; я буду ждать тебя, пока у меня будут силы* [Белошапкина, 2007].

План содержания синтаксического знака моделируется группой «Русский глагол» под руководством Л. Г. Бабенко. Под семантической моделью понимается горизонтально развернутая структура типового содержания предложения, состоящая из иерархически организованных компонентов, связанных типовыми отношениями: вершина – предикат, актанты – его уточнители. Семантическая модель описывается в терминах *пропозиция, денотативная (ситуационная) семантика, грамматическая (схемная) семантика, семантика глагола-предиката*. Семантическая модель отражает структуру ситуации и обусловлена семантикой предиката. Оптимальным признается описание семантических моделей предложения на основе определенных лексико-семантических групп глаголов [РГЛ, 1998. С. 13–17]. В экспериментальном синтаксическом словаре «Русские глагольные предложения» разграничиваются основные модели и их варианты. Первичные семантические модели содержат компоненты с прямым, исходным, первичным значением, вторичность обусловлена переносным значением базовых компонентов [РГП, 2002].

В данной работе мы опираемся на определение парадигмы предложения как системы грамматических мест, в которой сохраняется тождество языковой единицы данного грамматического класса, сформулированное М. И. Черемисиной [2003. С. 4]. Важный параметр, введенный М. И. Черемисиной, – это определение объекта, для которого строится парадигма: «Объектом синтаксической парадигмы может быть только элементарное простое предложение. Это главная синтаксическая единица, синтаксическая сущность любого языка» [Там же. С. 5], «парадигма имеет отношение только к моделям предложений» [Там же. С. 25]. При этом разным типам выделяемых единиц соответствуют собственные парадигмы [Там же. С. 4]. «Непременным условием инвариантности модели должно быть тождество структуры пропозиции, а этим предполагается инвариантность отношений между предикатом и актантами, которые задаются валентностями предиката» [Там же. С. 26].

Грамматическая парадигма структурируется на основе ряда противопоставлений: во-первых, по способу выражения предиката («варьирование сказуемого») и, во-вторых, его именного окружения («варьирование актантов»). Варьирование предиката основано на изменении глагола по всем лексико-грамматическим категориям, свойственным данному языку (лицо, число, время, наклонение, аспектуальность, модальность, эвиденциальность и пр.), при сохранении системы его валентностей. Варьирование именных компонентов модели, в свою очередь, зависит от валентностных свойств предиката, требующего постановки зависимого имени в определенной падежной форме. На лексико-семантическом уровне варьирование «определяется лексико-семантическими требованиями и ограничениями, которые модель предъявляет к “заместителям” каждой из позиций» [Там же. С. 27].

Таким образом, парадигматические отношения устанавливаются применительно к плану выражения и к плану содержания предложения, а также по отношению к его коммуникативным вариантам.

Модель акциональных предложений как объект синтаксического моделирования

Изосемическим средством репрезентации акциональной пропозиции является модель $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}} N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}} V_{\text{ACT}}^{\text{ACT}}$, для которой выстраивается парадигма, охватывающая возможности варьирования каждого из трех компонентов и элементарного простого предложения в целом.

В позиции агенса $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}}$ могут стоять имена существительные или их субституты в форме именительного падежа, обозначающие активно действующих субъектов, контролирующе-

щих и целенаправленно осуществляющих воздействие. Специфика сопоставляемых языков определяется возможностями заполнения этой позиции именами, называющими природные явления, стихии, а следовательно, семантические ограничения, накладываемые тем или иным языком на возможность заполнения данной позиции (*лицо / сила*).

Позицию объекта N^{OBJ}_{ACC} занимают неодушевленные или одушевленные имена, называющие предметы воздействия или манипуляции. Каноническим способом оформления этой позиции является винительный падеж. Однако и в хантыйском, и в ненецком языке винительный падеж последовательно употребляется в одном случае – если объект воздействия выражен личным местоимением, т. е. обозначает конкретное, определенное лицо. Если же объект воздействия обозначается именем существительным, то в хантыйском языке используется только форма именительного падежа, так как винительный падеж в системе именного склонения отсутствует, в ненецком выбор между именительным и винительным падежами осуществляется в зависимости от определенности / неопределенности объекта, а также от актуального членения предложения. Кроме того, объект может выражаться формами других косвенных падежей, если находится в реме.

Позицию предиката V_f^{ACT} занимают глаголы акциональной семантики, обозначающие креативное (созидательное), деструктивное (разрушительное), трансформационное воздействие на объект, т. е. появление, повреждение, разрушение объекта в результате воздействия, а также воздействие с последующим качественным изменением объекта или без него. На основе лексико-семантической группы глагола-предиката различаются семантические варианты акциональных предложений.

Грамматическое варьирование предикатной позиции регулируется наличием в хантыйском и ненецком языках субъектного и объектного спряжений, закономерности выбора той или иной формы во многом совпадают. Однако в обоих языках есть уникальные глагольные категории, на основе которых парадигмы различаются: в ненецком языке есть еще один тип спряжения – «возвратный», а в хантыйском широко используется страдательный залог для выражения актуального членения предложения.

Таким образом, объектом синтаксической парадигматики является модель элементарного простого предложения $N^{AG}_{ном} N^{OBJ}_{ACC} V_f^{ACT}$ как прототипическое средство репрезентации акциональной пропозиции в хантыйском и ненецком языках.

Парадигмы акциональных предложений в уральских языках

Базовые модели акциональных элементарных простых предложений в хантыйском и ненецком языках тождественны, различия лежат в сфере парадигматики: каждый из компонентов модели варьирует в обоих языках в разных пределах и по разным причинам. С одной стороны, варьирование происходит в рамках предикативных категорий темпоральности, модальности и персональности, которые выражаются прежде всего глагольными категориями. С другой стороны, важным для синтаксиса уральских языков является падежное варьирование в оформлении субъектно-объектных позиций, связанное с такими факторами, как определенность / неопределенность, одушевленность / неодушевленность актантов, их коммуникативный статус. В этом типе варьирования задействованы одновременно именные и глагольные категории: мена падежных форм, выбор залоговых форм, а также типа спряжения – субъектного или объектного.

Мы разграничиваем два типа синтаксических парадигм в уральских языках Сибири – предикативную и коммуникативную, в рамках которых сохраняется тождество элементарного простого предложения самому себе. Посредством предикативной парадигмы содержание высказывания соотносится с внеязыковой реальностью, коммуникативная парадигма структурирует передаваемую в предложении информацию с позиций говорящего и его коммуникативных намерений.

1. Предикативная парадигма уральского элементарного простого предложения.

Предикативная парадигма (или грамматическая парадигма в узком смысле слова) отражает варьирование предложения по синтаксическим категориям темпоральности, модальности, персональности, а также аспектуальности, связанное с модификациями предикатной позиции, а кроме того, по категориям одушевленности / неодушевленности, определенности / неопределенности, обусловленное способами выражения актантами позиций.

1.1. Морфологические категории глагола являются ядерным способом выражения предикативных категорий предложения, поэтому предикативная парадигма предложения в первую очередь связана с варьированием предикатной позиции. Однако предикативные категории предложения не тождественны морфологическим категориям глагола, они носят функционально-семантический характер и выражаются всеми возможными способами – синтаксическими, лексическими, просодическими.

Варьирование по категориям темпоральности, персональности, модальности составляет ядро синтаксической парадигмы и формирует предикативность как основной признак предложения. Опора на морфологические категории глагола обеспечивает принципиальное сходство парадигм в разных языках, но предикативные категории темпоральности, персональности и модальности не тождественны морфологическим категориям времени, лица и наклонения.

Следующие хантыйские предложения представляют собой члены одной синтаксической парадигмы и отражают результат варьирования по категориям темпоральности (релевантное для хантыйского языка противопоставление настоящего и прошедшего времени) и персональности (в данных примерах определенное лицо – 1, 2, 3-е – может выражаться лексически или грамматически – глагольными аффиксами).

хант. каз. *Мўу хўл кавэртлэв.*

мўу хўл кавэрт=**л**=**эв**
мы рыба варить=**PR**=**SUBJ.1SG**
 ‘Мы варим рыбу.’

хант. каз. *Кев пўтэн йиңк кавэртэс.*

кев пўт=эн йиңк кавэрт=**эс**=**Ø**
 камень котел=**LOC** вода варить=**PAST**=**SUBJ.3SG**
 ‘Кипятила воду в чугунном котле.’

хант. шур. *Майшайэн хўл пўтэн кавэртсэңэн.*

майшайэн хўл пўт=эн кавэрт=**с**=**эңэн**
 молча рыба котел=**LOC** варить=**PAST**=**SUBJ.3DU**
 ‘Молча рыбу в котле сварили.’

Морфологическим ядром категории модальности является глагольное наклонение. В хантыйском языке в зоне реализа противопоставляются друг другу индикатив и эвиденциалис (наклонение неочевидного действия), благодаря чему средства выражения категории модальности представлены двумя рядами форм – финитными и инфинитными: причастные формы в функции сказуемого простого предложения передают эвиденциальные смыслы, при переводе на русский язык обычно используется метапоказатель ‘оказывается’, например:

хант. каз. [*Ин мәшйу икен цйта ци улл,*] *нэмәлта мәш йнт тәйтәл!* [Касум мув..., 2002. С. 138]

нэмәлта мқš әнт тәј=**t**=**al**
 никакой болезнь NEG иметь=**PrP**=**3SG**

Букв.: никакой болезнь не имеет (оказывается).

‘[Тот больной мужчина там и лежит,] никакой болезни нет у него!’ [Касум мув..., 2002. С. 139]

В ненецком языке система наклонений включает индикатив и ряд косвенных наклонений: императив, гортатив, оптатив, эмфатический оптатив, конъюнктив, а также наклонения, связанные с выражением эпистемической модальности: пробабилитив, суперпробабилитив и аппроксиматив [Буркова, 2010. С. 278–300]. Несмотря на наличие в ненецком языке богатого набора разнообразных наклонений, в ряде случаев употребляются также и аналитические модальные конструкции, например:

ненецк. тундр. *Тебтад' няна ямда харва.* [Терещенко, 1990. С. 44]
 тебтад' няна ямда=∅ харва=∅
 завтра около перекочевать=CV хотеть=SUBJ.3SG
 'Завтра хочет перекочевать.'

ненецк. тундр. *Намгэрт ты хадо хось я"ма.* [Ненецкий фольклор..., 1995. С. 126]
 намгэ=рт ты=∅ хадо хо=сь
 что=PRTCL олень=NOM.SG пастбище.ACC.PL найти=CV
 я"ма=∅
 не мочь=SUBJ.3SG
 'Но он не может найти никаких пастбищ.'

Наличие разнообразных модальных аналитических конструкций дополняет систему дифференциальных признаков в данной субпарадигме, поскольку необходимо разграничивать те смыслы, которые обозначаются прежде всего морфологически, и те, для которых в языке предусмотрено аналитическое выражение. Соответственно, в рамках модальной синтаксической субпарадигмы следует учитывать комплекс способов выражения, устанавливая для них систему оппозиций, которая и структурирует синтаксическую категорию модальности в отличие от морфологической категории наклонения.

Варьирование по категории модальности регулярно сопровождается варьированием по категории персональности: если действие потенциально или не осуществляется вообще, то субъектная позиция может редуцироваться, либо форма номинатива заменяется формой датива, указывающей на то, что субъект в реальности никакого действия не осуществляет (ср. в русском языке: *я пойду / мне надо пойти*):

хант. каз. *Тәм пўш йилэп лютут, йилэп лант па кавэрта.*
 тәм пўш йилэп лютут йилэп лант
 этот раз новый еда новый мука
 па кавэрт=а
 и варить=IMP.SUBJ.2SG
 'В этот раз еще сварил свежую еду, свежую кашу.'

хант. шур. *(Манэм) мус йиңк кавэртты мосэ.*
 (ман=эм) мус йиңк кавэрт=ты
 я.OBL=DAT корова вода варить=PrP
 мос=эл=∅
 быть нужным=PR=SUBJ.3SG
 '(Мне) надо вскипятить молоко.'

Таким образом, развитая система косвенных наклонений является отличительным признаком уральской морфологии, она вызывает усложнение и синтаксической парадигмы.

Варьирование по категории аспектуальности также должно быть включено в парадигму простого предложения. В разных языках преимущественно реализуются либо лексические,

либо грамматические, либо синтаксические способы. Для синтаксической парадигмы аспектуальности важен комплекс способов выражения.

В хантыйском и ненецком языках способы глагольного действия получают прежде всего морфологическое выражение, в этих языках существуют богатые ряды аспектуальных аффиксов. Однако фазисность может передаваться не только при помощи специальной морфемы, но и аналитически – при помощи полужнаменательной лексической единицы фазисной семантики, смысловой глагол принимает типичную для того или иного языка инфинитивную форму (причастную или деепричастную в хантыйском и форму имени действия или неопределенного деепричастия в ненецком). При этом возможны также сложные комбинации с категорией персональности:

хант. шур. *Лант кавэртты йэтишатал тумпийэн*, [пйасана ал опсаты].
 лант кавэрт=**гы** йэтша=**г**=а_л тумпийэн
 мука варить=**PrP** закончить=**PrP=3SG** пока не
 ‘Пока суп не сварится (букв.: вариться закончит), [за стол не садитесь].’

хант. каз. *Лүв вантыман хйщяс*. (Касум мув..., 2002. С. 22)
 лүв wqnti=**man** хйщ=эс=**Ø**
 он лесовать=**CV** остаться=**PAST=SUBJ.3SG**
 ‘Он остался охотиться (букв.: лесовать).’

ненецк. тундр. *Намгэ хонёвамди' ёльце"махаданди' Со"ом" нумгыта тидхалкавась*. [Терещенко, 1990. С. 44]
 намгэ хонё=**ва=м=ди'** ёльце="ма=хада=нди'
 что спать=**VN=ACC.SG=3DU** окончить=**VN=ABL.SG=3DU**
 Со"ом" нумгы=та
 Большая Медведица звезда=**POSS.3SG**
 тидхал=кава=**Ø=сь**
 направиться=**CL=SUBJ.3SG=PAST**
 ‘Когда они проснулись (букв.: спать закончили), все звезды Большой Медведицы повернули к рассвету’.

ненецк. тундр. *Нисяда уаворць малей'* [Ненецкий фольклор, 1960. С. 110].
 нися=**Ø=да** уавор=**ць** мале=**й='**
 отец=**NOM.SG=POSS.3SG.SG** есть=**CV** наедаться=**refl=REFL.3SG**
 ‘Отец кончил есть.’

Соответственно, в предикативную парадигму следует включить как морфологические, так и синтаксические и лексические способы реализации аспектуальных значений.

Результативность в хантыйском языке выражается при помощи конструкций, в которых позиция субъекта, как правило, элиминируется, а сказуемое принимает причастную или деепричастную форму. В таких конструкциях дополнительно передаются эвиденциальные смыслы:

хант. шур. *Лант кавэртэм*.
 лант кавэрт=**эм**
 мука варить=**PP**
 ‘Суп сварен (оказывается).’
 (актуализируется момент неожиданности при обнаружении данного факта – ожидалось, что суп еще не будет сварен)

хант. шур. *Хўл хѳлна ѳнта кавѳртѳм.*

хўл хѳлна ѳнта кавѳрт=ѳм
рыба еще не варить=PP

‘Рыба еще не сварена (оказывается).’

(ожидалось, что рыба уже будет сварена, ожидание не оправдалось)

хант. каз. *Лант йиѳкѳм кавѳртман вѳл.*

лант йиѳк=ѳм кавѳрт=ман вѳл
мука вода=POSS.1SG.SG варить=CV быть.PR.SUBJ.3SG

‘Суп сварен (оказывается).’

(актуализируется результат – степень готовности супа)

В тюркских языках Южной Сибири для выражения темпоральных, модальных и аспектуальных значений широко используются разнообразные аналитические конструкции со вспомогательными глаголами разных лексико-семантических групп – бытийные, движения, местонахождения и мн. др. Все подобные конструкции включаются в модально-аспектуально-темпоральные субпарадигмы предложения. Хотя в хантыйском и ненецком языках аналитические конструкции сказуемого представлены не так широко, как в тюркских, они должны включаться в систему парадигматических оппозиций.

1.2. Именные категории падежа и посессивности определяют объем парадигмы предложения, связанный с варьированием актантных позиций по категориям одушевленности / неодушевленности, определенности / неопределенности, которые мы также включаем в состав предикативных категорий, формирующих синтаксическую парадигму.

1.2.1. Варьирование, связанное с определенностью / неопределенностью объекта. В рамках акциональной модели выбор падежного оформления объекта зависит от его определенности / неопределенности. Прослеживается соответствие между выбором падежной формы и семантическим вариантом модели. Креативное воздействие направлено на созидание нового объекта, не существовавшего до начала действия, поэтому объект-креатив мыслится как неопределенный, тогда как деструктивное воздействие предполагает заранее известный предмет. Определенность / неопределенность объекта-креатива и объекта-деструктива может кодироваться либо именными, либо глагольными категориями, в зависимости от набора морфологических категорий в разных языках.

В одних языках основная нагрузка ложится на именные категории, в этом случае объектная позиция выражается разными падежными формами. В грамматических описаниях некоторых языков встречается указание на возможность оформления объектной позиции четырьмя разными способами. Например, в якутском языке объект может стоять в формах четырех разных падежей – именительного, винительного, частного и творительного [Убрятова, 1976]. Приведем для контраста эвенкийский язык, в падежной системе которого взаимно противопоставлены друг другу винительный неопределенный (ACC IND) и винительный определенный (ACC) падежи, которые употребляются, соответственно, для обозначения неопределенного объекта-креатива и определенного объекта-деструктива (примеры приводятся по работе [Самойлова, 2003]):

эвенк. *Тадук пастухил вота воталипкил.* [Колесникова, 1966. С. 235].

тадук пастухи=л=∅ вота=я
потом пастух=PL=NOM ограда=ACC IND

вота=ли=пки=л

делать ограду=INCH=PART=PL

‘Потом пастухи начинают делать ограду.’

эвенк. *Тар бегаду тэмулэ олипкил.* [Василевич, 1958. С. 732].

тар=Ø бега=ду тэму=л=э
 тот=NOM месяц=DAT плот=PL=ACC IND
 о=ли=пки=л
делать=INCP=PART=PL
 ‘В том месяце плоты начинают делать.’

эвенк. *Бэе мова хогран.* [Горцевская и др., 1958. С. 291].

бэе=Ø мо=ва хог=ра=н
 человек=NOM дерево=ACC срубить=PR.PERF=3SG
 ‘Человек срубил дерево.’

эвенк. *Би микчанмэ вамэ* [Колесникова, 1966. С. 109].

би микчан=мэ ва=Ø=мэ
 1SG.NOM кабарга=ACC **убить**=PR.PERF=1SG
 ‘Я убил кабаргу.’

В ненецком языке позиция объекта может кодироваться либо именительным, либо винительным падежом, что часто связано с меной типа спряжения – субъектного или объектного (подробнее о взаимной обусловленности падежных форм и форм спряжения см. далее, в разделе, посвященном коммуникативной парадигме).

В казымском диалекте хантыйского языка позиция объекта, выраженного именем существительным, может маркироваться только формой именительного падежа. Соответственно, определенность / неопределенность объекта выражается посессивными аффиксами, а также формами субъектного и объектного спряжения, которые в первую очередь являются средством выражения актуального членения, но служат также и для указания на определенность / неопределенность объекта. Ср.:

хант. каз. *Мўу хўл велсэв.*

мўу хўл вел=с=эв
 мы рыба добыть=PAST=SUBJ.1PL
 ‘Мы ^{T/R} добыли рыбу.’
 {Что случилось? Что произошло?}

хант. каз. *Мўу хўллэв велсэв.*

Мўу хўл=лэв вел=с=эв
 мы рыба=POSS.1PL.PL добыть=PAST=OBJ.1PL
 ‘Мы добыли ^{T/R} рыбу.’
 {Что мы добыли?}

Если в позиции объекта стоит личное местоимение, оно принимает форму винительного падежа. В казымском диалекте форма винительного падежа личных местоимений противопоставлена форме дательного падежа и имеет два варианта – тематический *лўват* и рематический *лўветы*. В шурышкарском особой формы винительного падежа нет, она совпадает с формой дательного падежа, но также представлена двумя вариантами – тематическим *лўвел* и рематическим *лўвела*, ср.:

хант. шур. *Мин лўвел вохсэмэн.*

мин лўвел вох=с=эмэн
 мы двое он.ACC/DAT звать=PAST=SUBJ.1DU
 ‘Мы (двое) звали его.’

хант. шур. [Йэранасэҕ луттаҕ йэҕлийн,] ҕүв кэмэн пүш ҕүвөҕа катлыҕысҕы.

ҕүв кэмэн пүш ҕүвөҕа
она сколько раз он.АСС/DAT

катлыҕыс=с=ҕы

примерять=PAST=OBJ.3SG.SG

‘[Прежде чем купить платье,] она несколько раз его примеряла.’

(форма ҕүвөҕа акцентируется, так как речь идет о конкретном платье, выбранном из ряда других)

Однако в естественных текстах на хантыйском языке форма винительного падежа личных местоимений встречается крайне редко. При глаголах воздействия типа ‘построить’, ‘разрушить’ и под. она невозможна, так как личное местоимение обозначает только лицо, а объектом подобных действий являются предметы, т. е. действуют семантические ограничения. Если же объектом воздействия является одушевленный предмет, то его высокий иерархический статус требует и высокой синтаксической позиции, он занимает в предложении позицию подлежащего при глаголе в форме страдательного залога – так разрешается конфликт между двумя одушевленными актантами. Позиция подлежащего – личного местоимения часто остается незаполненной. Семантический субъект выражается именем в форме местно-творительного падежа, например:

хант. шур. Имблтыйэн пүкнэҕ эвтэм ханты хуйэн щи верэпса.

имблтыйэн пүкн=эҕ эвт=эм
однажды пупок=POSS.3SG.SG резать=PP
ханты хуй=эн щи вер=эп=с=а
ханты мужчина=LOC PRTCL сделать=MOM=PASS=SUBJ.3SG

Букв.: Однажды (он) побежден мужчиной с обрезанным пупком.

‘Однажды его одолел мужчина ханты с обрезанной пуповиной.’

Определенные ограничения на употребление личных местоимений в форме винительного падежа возникают и в других семантических типах предложений с акциональной структурной схемой. Предложения со значением речевого воздействия (‘ругать, звать кого’), слухового восприятия (‘слышать что’), ментальной обработки информации (‘понимать что’), представляющие собой модус-диктумные конструкции, т. е. неэлементарные простые предложения, допускают в позиции объекта личное местоимение в форме винительного падежа очень ограниченно. Так, по-хантыйски нельзя «услышать кого-то», можно только «услышать чьи-то слова», соответственно, в таком типе предложения личное местоимение в винительном падеже не встретится. Эта форма возможна, хотя и редка, в предложениях с семантикой перемещения, визуального восприятия или эмотивной реакции, например:

хант. каз. ҕүват тыв вохэ.

ҕүват тыв вох=э
он.АСС сюда позвать=IMP.OBJ.2SG.SG

‘Позови его сюда.’

В сургутском диалекте хантыйского языка возможности варьирования способов оформления объектной позиции шире: объект может выражаться также формой творительного падежа как при субъектном, так и при объектном спряжении:

хант. сург.

ma čaj-at alesja wär-λ-эм.
1SG tea-INSFIN Alesja make-PRS-1SG

‘I will make Alesja tea (not surely, not right now).’ [Sosa, 2017. P. 95]

хант. сург.

čaj-at

tea-INSFIN

lipət-təγ.

feed-PST.SG<3SG

‘She let him drink tea and eat food.’ [Sosa, 2017. P. 98]

uč

thing

jeñəłʹə-təγ,

make.drink-PST.SG<3SG

litot-at

food-INSFIN

Таким образом, в состав грамматических категорий предложения в языках коренных народов Сибири может входить указание на определенность / неопределенность объекта, которая в индоевропейских языках выражается лексически (при помощи артиклей, специальных лексем), а в языках урало-алтайской типологической общности грамматически (средствами именной или глагольной морфологии). В тех языках, где эта оппозиция грамматизирована, есть основания включать ее в состав предикативных категорий предложения.

1.2.2. Варьирование грамматического оформления позиции объекта зависит также от его одушевленности / неодушевленности. Стандартным является соотношение, при котором субъект обозначает одушевленное лицо, а объект – неодушевленное, чаще всего материальный предмет. В этом случае ситуация кодируется канонически – моделью $N^{AG}_{NOM} V_f^{ACT} N^{Pat}_{ACC}$.

Однако возможны и другие типы соотношения между субъектом и объектом. Особое выражение получает ситуация, в которой пациенсом оказывается одушевленное лицо, испытывающее на себе воздействие со стороны стихии или другой неподвластной ему силы. В русском языке в этом случае предложение строится по модели $N^{Ob}_{ACC} \leftarrow V_f \rightarrow N^{Funct}_{INSTR}$, которое в традиционной грамматике оценивается как односоставное. Например: [*Когда Пекалов ткнул в валун плечом, слышался шорох,*] и *Пекалова придавило сползшей с валуна сырой шапкой земли и глины* (Владимир Маканин. Утрата) > * Шапка земли и глины придавила Пекалова.

Однако если объектом воздействия стихийной силы является неодушевленный предмет, то возможно использование канонической конструкции, ср.: предложение *Пламя уже охватило мостик* (Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты) строится по модели $N^{Funct}_{NOM} \leftrightarrow V_f \rightarrow N^{Ob}_{ACC}$, тогда как в предложении «*Совсем было их огнем охватило, – сказала Манефа. – Болотце, слава богу, попало, кони туда повернули*» (П. И. Мельников-Печерский. В лесах) объектом воздействия пламени являются люди, поэтому возможность употребления канонической конструкции в данной ситуации сомнительна, предложение является односоставным.

Выражение семантической роли воздействующей на одушевленный объект силы формой творительного падежа обусловлено необходимостью подчеркнуть более высокий статус одушевленного лица в иерархии действующих в ситуации участников, форма винительного падежа одушевленного объекта указывает на его семантическую роль пациенса.

Аналогично и в хантыйском языке (казымский диалект): в предложениях, описывающих ситуацию воздействия на одушевленный объект, последний сохраняет высокий грамматический статус и выражается именем в форме именительного падежа, однако глагол при этом стоит в форме страдательного залога, указывая на то, что семантическая роль подлежащего – объект воздействия, например:

хант. каз. *Ma ɲamaɟtən təxəmsajəm.*

ма ɲамаɟт=эн

я.NOM мошка=LOC

Букв.: Я мошкой укушен.

‘Меня укусила мошка.’

тəxəм=с=а́й=əм

укусить=PAST=PASS=SUBJ.1SG

В русском языке слово *мошка* может занимать позицию субъекта и принимать форму именительного падежа, так как грамматически интерпретируется как одушевленное имя (*Меня мошка заела*). В хантыйском же языке к классу одушевленных относятся только обозначения людей, по отношению к которым применимо личное местоимение *лйw* 'он, она'. Имя лица в хантыйском предложении чаще всего занимает иерархически самую высокую позицию, не сдвигаясь в синтаксическую позицию дополнения. На его статус как объект воздействия указывает пассивная форма глагола.

Таким образом, в хантыйском языке особым образом маркируется неканоническая ситуация воздействия неодушевленного предмета на одушевленное лицо. Однако в разных языках для этого используются разные стратегии.

В русском языке одушевленное лицо в роли пациента смещается в позицию дополнения, но при этом появление в предложении позиции подлежащего, имеющего более высокий синтаксический статус, маловероятно. Таким образом одушевленный пациент сохраняет свой «верховный», хотя и относительный, статус в предложении.

В хантыйском языке одушевленный пациент сохраняет позицию подлежащего, тем самым категория одушевленности является для этого языка более важной, чем семантическая роль.

В русском языке односоставные предложения используются и при выражении воздействия на одушевленный субъект таких явлений природы, как жар, тепло, холод, а также болезненных состояний, например: *Меня здесь в первые же минуты охватило лихорадочным ознобом* (В. И. Немирович-Данченко. Святые горы). Однако воздействие на одушевленное лицо эмоций (таких как волнение, возбуждение, счастье, буйство, неистовство, ликование и т. п.) выражается канонически, например: *Ее вдруг охватило давнее волнение – желание слиться, вобрать в себя Никиту* (Юрий Мамлеев. Конец света / О чудесном). Тем самым в синтаксической системе русского языка эмоции трактуются как сила, иерархически занимающая более высокое положение, чем одушевленный субъект.

В парадигме предложений акционального воздействия должны быть предусмотрены категории, регулирующие выражение одушевленности или неодушевленности субъекта и объекта воздействия и, соответственно, возможность или невозможность употребления в позиции субъекта имен, называющих природные явления, стихии.

В русском языке к этой парадигме примыкают те разновидности односоставных предложений, в которых описывается ситуация воздействия на одушевленного пациента. Тем самым в рамках моделирования структуры и семантики предложения нивелируется граница между двусоставными и односоставными предложениями, которые рассматриваются как регулярные проекции одной и той же модели, обусловленные определенными парадигматическими параметрами.

Таким образом, предикативная парадигма предложения укладывается в рамки внутримодельного варьирования. К предикативным категориям предложения мы относим, во-первых, комплекс темпорально-модально-аспектуальных значений, которые сложно переплетаются в разных языках и выражаются всеми возможными способами – морфологическим, лексическим, синтаксическим; во-вторых, персональность, которую трактуем широко – как определенность, неопределенность и обобщенность лица. Эти значения связаны с варьированием предикатной позиции. Варьирование актантных позиций (дательный падеж субъекта потенциального действия, именительный падеж объекта) связано с категориями одушевленности / неодушевленности и определенности / неопределенности участников ситуации.

Перечисленные категории универсальны для языков разных систем. Уникальными являются конкретные оппозиции и дифференциальные признаки, структурирующие системы отдельных языков, а также распределение способов их выражения между функционально-семантическими сферами.

2. Коммуникативная парадигма уральского предложения.

В основе коммуникативной (или актуализационной) парадигмы лежит актуальное членение предложения на тему и рему, которое реализуется в противопоставлении информативных и верификативных типов высказываний. Целью информативных высказываний является введение новой информации: в общеинформативных новой является информация о ситуации в целом (что случилось? что произошло?), в частноинформативных – отдельный аспект ситуации (кто является исполнителем действия? на кого оно направлено? когда и при каких обстоятельствах произошло?). В верификативных высказываниях устанавливается соответствие или несоответствие высказываемого действительности в общем (общеверификативный тип) или в частном (частноверификативный тип). Эти отношения тесно связаны с категориями определенности / неопределенности, иерархией одушевленности и получают выражение в грамматических категориях падежа, посессивности и типа спряжения, которые выступают как единый грамматический механизм.

Основные закономерности построения коммуникативной парадигмы в хантыйском языке на примере западных диалектов описаны в работах [Nikolaeva et al., 1993; Nikolaeva, 1999; 2001; Николаева, 2002; Кошкарёва, 2002], сургутского диалекта – в работе [Кошкарёва, 2007], а также в диссертации [Sosa, 2017].

2.1. Информативные высказывания. Специфика уральских языков Сибири состоит в наличии серии парадигматических вариантов, в основе которых лежит актуальное членение предложения. В хантыйском языке с ним прежде всего связано варьирование в оформлении сказуемого, которое принимает формы субъектного, объектного спряжения и пассивного залога. Поскольку в западных диалектах хантыйского языка падежная парадигма редуцирована, а порядок слов варьирует ограниченно, основная нагрузка по выражению тема-рематического членения ложится на глагольные категории и посессивное оформление актантов.

хант. каз. *Лант кавэртлэ́т, пў́т кавэртлэ́т.*

лант	кавэ́рт=л=э́т	пў́т	кавэ́рт=л=э́т
мука	варить=PR=SUBJ.3PL	котел	варить=PR=SUBJ.3PL

‘Суп варят, еду (букв.: котел) варят.’
(Что они делают?)

хант. каз. *Лантэм упэмэн кавэ́ртла.*

лант=эм	уп=эм=э́н
мука=POSS.1SG.SG	старшая сестра=POSS.1SG.SG=LOC

кавэ́рт=л=а=∅
варить=PR=PASS=SUBJ.3SG
‘Суп варит моя старшая сестра.’
(Кто варит суп?)

В ненецком языке наличие в системе склонения имен винительного падежа обуславливает комплекс средств выражения актуального членения, в котором участвуют тип спряжения глагола, падежное варьирование актантов (номинатив / аккузатив), посессивные показатели.

ненецк. лесн. пур. *Дя́ляу дё́льшкана не́аай хэ́тула́шту, ты́нунта́нкошту, де́т пили́пёшту, [калта́нкошту, педё́лшту, пепайпё́шту].*

дя́ля=у	дё́льш=кана	не=а́ай	хэ́ту=ла=шту=∅
день=GEN.SG	время=LOC.SG	женщина=NOM.PL	шить=_FREQ=HAB=SUBJ.3SG
ты́нунта́нко=шту=∅	дет=∅	пи́липё=шту=∅	
плести нитки=HAB=SUBJ.3SG	котел=NOM.PL	варить=HAB=SUBJ.3SG	

‘А в течение дня женщины шьют, нитки из жил плетут, кушать варят, [стирают, за дровами ходят, дрова рубят мелко].’
{Что происходит? Чем занимаются женщины?}

ненецк. тундр. *Сюдбя вэсаком' та' хадав* [Терещенко, 1990. С. 65].

сюдбя вэсако=**м'** та' хада=**в**
 великан старик=**ACC.SG** тут убить=**OBJ.1SG.SG**
 'Старика-великана тут я убил.'
 {Кого я убил?}

Первое высказывание является общеинформативным, оно отвечает на полный диктальный вопрос *Что происходит? Чем занимаются женщины?* Грамматически именные и глагольные формы остаются немаркированными: грамматические показатели именительного падежа и субъектного спряжения 3-го лица ед. ч. нулевые. Второе высказывание частноинформативное, отвечает на частичный диктальный вопрос *Кого я убил?* Семантический объект маркируется показателем винительного падежа, глагол принимает форму объектного спряжения.

Встречаются также предложения, в которых объект стоит в форме винительного падежа, а глагол – в форме субъектного спряжения и наоборот: объектное спряжение глагола употребляется при объекте в номинативе, например:

ненецк. лесн. *Нешама" нохом каташтуш.*

неша=**ма"** нохо=**м** ката=**шту=Ø=ш**
 отец=**POSS.1PL** песец=**ACC.SG** добыть=**HAB=SUBJ.3SG=PAST**
 'Отец наш песца добывал.'

ненецк. лесн. пур. *Паныхэнтун матамэйтун пыляу чим талям шалташтутун чумьше.*

паны=**хэн=туу** мата=**мэй=туу** пыля=**у**
 одежда=**LOC.SG=POSS.3PL** вырезать=**PP=POSS.3PL.SG** шука=**GEN.SG**
 чим=**Ø** талям шалта=**шту=туу** чумьше
 зуб=**NOM.SG** так делать=**HAB=OBJ.3PL.SG** сверху

Букв.: На одежде вырезанный щучий зуб так делают сверху.

'Этот [орнамент] щучий зуб вырезают и сверху на одежде.'

При выражении объекта действия в ненецком языке предпочтение отдается форме винительного падежа (около 90 % случаев), однако иногда позицию объекта занимает имя существительное в форме именительного падежа. Чаще всего употребление имени объекта в форме именительного падежа сопровождается рядом других структурных преобразований: изменением порядка слов и выбором объектного спряжения в предложениях с семантикой созидания. Вероятно, все перечисленные явления взаимосвязаны и являются средством выражения актуального членения.

В статье М. В. Баркаловой [2004] приводится количественный анализ соотношения типа спряжения глагола и семантического типа высказывания.

Семантический вариант	Тип спряжения (%)	
	OBJ	SUBJ
Креативное воздействие	14	86
Деструктивное воздействие	76	24

Данные, представленные в таблице, показывают, что при выражении креативного воздействия преобладает субъектный тип спряжения. Это объясняется тем, что наибольшая коммуникативная значимость придается создаваемому объекту, поскольку цель высказывания состоит именно в сообщении о появлении нового предмета или явления действительности. Поэтому креативный объект составляет рему высказывания, на него падает смысловое ударение.

Предикаты деструктивного воздействия в большинстве случаев оформляются показателем объектного спряжения, поскольку объект разрушения чаще всего предопределен контекстом, целью высказывания является уточнение того действия, которое над ним совершается, т. е. в предложениях с деструктивными предикатами рематизируется сам глагол.

В этой связи интересно сопоставить грамматическое оформление глагола *хадась* (тундр.), *каташ* (лесн.), имеющего два значения – ‘убить’ и ‘добыть’. В предложениях, в которых глагол реализуется в своем первом значении, преобладает форма объектного спряжения, поскольку данное значение относится к пропозиции деструктивного действия:

ненецк. лесн. пур. *Натмянтуң Пучи Пылялки касамамтуң нимытуң ката.*

натмянтуң Пучи Пылялки касамам=м=туң
поэтому Пучи Пырерка парень=ACC.SG=POSS.3PL.SG

ни=мы=туң ката=Ø
NEG=PP=OBJ.3PL.SG убить=CONNNEG

‘Поэтому Пучи Пырерку не убили.’

В предложениях с глаголом *хадась* (тундр.), *каташ* (лесн.) в значении ‘добыть’ предпочтение отдается форме субъектного спряжения:

ненецк. лесн. аган. *Нешама" нохом каташтуш.*

неша=ма" нохо=м ката=шту=Ø=ш
отец=POSS.1PL песец=ACC.SG добыть=HAB=SUBJ.3SG=PAST

‘Отец наш песца добывал.’

Следовательно, второе значение рассматриваемого глагола используется в образовании пропозиции креативного действия: предмет, служащий объектом добывания, в результате этого действия предстает в своем новом качестве – из зверя превращается в добычу охотника. Таким образом, выбор формы спряжения зависит от типовой семантики предложения.

2.2. Верификативные высказывания связаны с категорией утвердительности / отрицательности. В хантыйском и ненецком языках отрицание выражается по-разному, это формирует различия в соответствующих субпарадигмах. В хантыйском языке для индикатива и императива используются разные отрицательные частицы, ср.:

хант. шур. *Хуцэл, таңха, хёлна йнт хурлэс.*

хуцэл таңха хёлна йнт хурлэ=с=Ø
зря наверное еще NEG погаснуть=PAST=SUBJ.3SG

‘Зря, наверно, ещё не погасла.’

хант. шур. *Па ал йўва.*

па ал йўв=а
и NEG.IMP приходить=IMP.SUBJ.2SG

‘Больше не приходи.’

В ненецком отрицание выражается при помощи серии отрицательных вспомогательных глаголов, которые, кроме предикативных категорий времени, лица, наклонения, выражают разные оттенки эвиденциальных, актуализирующих и оценочных смыслов: *нись* ‘не быть’, *вунись* ‘ведь не быть’, *ханясь* ‘как не быть’, *хацясь* ‘чуть не быть’, *хацянась* ‘хорошо, что не быть’ [Кошкарева, Янгасова, 2008]. Смысловый глагол при них выступает в форме коннегатива, например:

Тось нивась пирас". [Герещенко, 1965. С. 468]

то=сь

ни=ва=сь

пирас=?

прийти=CV

NEG=OBJ.1SG=PAST

мочь=CONNNEG

‘Я не мог прийти.’

Таким образом, отрицательная субпарадигма в этих двух языках организована по-разному как с точки зрения способов выражения негации, так и с точки зрения сфер, с которыми негация связана разными системными связями. Для хантыйского важным является противопоставление отрицания для индикатива и императива, а для ненецкого эта оппозиция не существенна, зато при помощи разных отрицательных глаголов дифференцируются тонкие оттенки эвиденциальных смыслов.

Для подчеркнутого утверждения в хантыйском и ненецком языках употребляются аналитические конструкции со вспомогательными бытийными глаголами, смысловой глагол принимает инфинитивную форму. Таким образом, утвердительные предложения, которые признаются исходным членом синтаксической парадигмы, вступают в оппозитивные отношения со структурным типом предложений, сказуемое которых выражается аналитически.

Выводы

Акциональные предложения, репрезентацией которых служит модель $N^{AG}_{НОМ} N^{Pat}_{ACC} V_f^{ACT}$, характеризуются однотипной структурой и семантикой во всех рассматриваемых языках. Однако они различаются по возможностям парадигматического варьирования. В языках с развитой падежной системой основную нагрузку по разграничению парадигматических вариантов берут на себя падежные формы имен, тогда как в казымском диалекте хантыйского языка для этого используются, прежде всего, глагольные категории спряжения и залога. В этом отношении казымский диалект противостоит всем другим изучаемым нами языкам и диалектам, так как в нем падежная система максимально свернута и предназначена для кодирования коммуникативных ролей.

Для каждого языка набор предикативных категорий зависит от типа предложения: парадигмы именных и глагольных предложений закономерно различаются. Для бытийно-пространственных, статальных, акциональных и других типов предложений устанавливаются разные парадигматические параметры. Ядром предикативных категорий являются морфологические категории сказуемого. Различия между синтаксическими парадигмами в разных языках обусловлены набором морфологических категорий имени и глагола, но не сводятся к морфологическим парадигмам. Они объясняются, в частности, типом пропозиции, лексическим значением предиката, спецификой заполнения актантных мест.

Специфику уральских парадигм составляют синтаксические способы выражения коммуникативных типов высказываний, в которых грамматикализованы тема-рематические отношения. Они выражаются при помощи глагольных (тип спряжения – субъектное / объектное, возможность пассивных трансформаций) и именных категорий (падежное варьирование, посессивное оформление). Актуальное членение высказывания в уральских языках грамматикализуется и является частью синтаксической парадигмы элементарного простого предложения как единицы языка.

Список литературы

- Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике // *Československa rusistika*, XI. 1966. № 2. С. 76–80.
- Антонова И. А. К вопросу о синтаксической парадигме. Парадигма предложений со значением эмоционального состояния / отношения в русском языке // *Язык, сознание, комму-*

никация: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 78–87.

- Баркалова М. В.** Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 14. С. 171–217.
- Белошапкова В. А., Шмелева Т. В.** Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Серия: Филология. 1981. № 2.
- Белошапкова Т. В.** Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М.: КомКнига, 2007. 336 с.
- Буркова С. И.** Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010. С. 180–349.
- Василевич Г. М.** Грамматический очерк эвенкийского языка // Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. С. 641–802.
- Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю.** Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997. 176 с.
- Всеволодова М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2000. 501 с.
- Горцевская В. А., Колесникова В. Д., Константинова О. А.** Эвенкийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958. 310 с.
- Грабе В.** Общее значение синтаксической конструкции и трансформация // *Československá rusistika*, XI. 1966. № 2.
- Гришина Н. И.** Еще одна парадигма предложений // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. М.: Индрик, 2001. С. 215–218.
- Джабраилова В. С.** К вопросу об определении синтаксической парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52), ч. 2. С. 90–92.
- Зимек Р.** Семантический аспект синтаксической трансформации // *Československá rusistika*, XI. 1966. № 2.
- Золотова Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.** Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.
- Касум мув моньщат-путрат:** Сказки-рассказы Земли Казымской / Сост. С. С. Успенская. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. 292 с.
- Колесникова В. Д.** Синтаксис эвенкийского языка. М.; Л.: Наука, 1966. 246 с.
- Кошкарева Н. Б.** Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 12. С. 29–44.
- Кошкарева Н. Б.** Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, № 2: Филология. С. 34–43.
- Кошкарева Н. Б., Янгасова Н. М.** О функционировании вспомогательных глаголов в приуральском говоре тундрового диалекта ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008. Вып. 6 (58): Уральские языки севера Сибири. С. 96–103.
- Ломтев Т. П.** Предложение и его грамматические категории. М., 1972. 196 с.
- Москальская О. И.** Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
- Ненецкий фольклор** / Сост. З. Н. Куприянова. Л.: Учпедгиз, 1960. 315 с.
- Ненецкий фольклор:** Мифы, сказки, исторические предания / Сост. К. И. Лабанаускас. Красноярск: Таймырский окружной центр народного творчества, 1995.

- Николаева И. А.** Конструкции со вторичным топиком // Лингвистический беспредел: Сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 274–288.
- Общее языкознание: внутренняя структура языка / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1972. 564 с.
- Распопов И. П.** Несколько замечаний о синтаксической парадигматике // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 92–100.
- РГЛ – Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 520 с.
- РГП – Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 462 с.
- Савосина Л. М. Синтаксическая парадигма предложения и ее соотнесенность с актуализационной парадигмой // Русский язык за рубежом. 1998. № 3.
- Савосина Л. М.** Трансформационная парадигма предложения и ее соотнесенность с актуализационной парадигмой // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 66–74.
- Самойлова Е. Г.** Глагольные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 60–107.
- Седельников Е. А.** Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филологические науки. 1961. № 3. С. 66–77.
- Соловар В. Н.** Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск: Любава, 2009. 250 с.
- СРЯз – Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997. 925 с.
- Терещенко Н. М.** Ненецкий эпос. Л.: Наука, 1990. 335 с.
- Терещенко Н. М.** Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 408 с.
- Убрятова Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Новосибирск, 1976. Кн. 1–2.
- Формановская Н. И.** Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: Учеб. пособие. М.: ИКАР, 2002. 234 с.
- Черемисина М. И.** Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.
- Шведова Н. Ю.** Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 3–77.
- Шведова Н. Ю.** Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопр. языкознания. 1973. № 4. С. 25–36.
- Nikolaeva I.** Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure. *Studies in Language*, 1999, no. 23, p. 341–386.
- Nikolaeva I.** Secondary Topic as a Relation in Information Structure. *Linguistics*, 2001, no. 39, p. 1–49.
- Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N.** Communicative roles in Ostyak syntax. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1993, no. 51 / 1–3, p. 125–167.
- Sosa S.** Functions of morphosyntactic alternations and information flow in Surgut Khanty. Helsinki, 2017, 236 p.
- Worth D. L.** The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and Slavic languages. In: American Contributions to the V International Congress of Slavists. Sofia, The Hague, 1963.

References

- Adamets P.** K voprosu o sintaksicheskoj paradiigmatike [On the Issue of Syntactic Paradigmatics]. *Československa rusistika*, XI, 1966, no. 2, p. 76–80. (in Russ.)

- Antonova I. A.** K voprosu o sintaksicheskoi paradigme. Paradigma predlozhenii so znacheniem emotsional'nogo sostoyaniya/otnosheniya v russkom yazyke [On the Issue of Syntactic Paradigms. The Paradigm of Sentences with the Meaning of Emotional States or Attitudes in the Russian Language]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Mind, Communication: An Anthology]. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, MAKS Press, 2001, iss. 19, p. 78–87. (in Russ.)
- Barkalova M. V.** Funktsional'no-semanticheskaya klassifikatsiya glagol'nykh modelei nenetskogo yazyka [Functional-Semantic Classification of Nenets Verb Models]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Siberian Languages]. Novosibirsk, 2004, iss. 14, p. 171–217. (in Russ.)
- Beloshapkova T. V.** Kognitivno-diskursivnoe opisanie kategorii aspektual'nosti v sovremennom russkom yazyke [Cognitive and Discursive Description of Aspect in the Modern Russian Language]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 336 p. (in Russ.)
- Beloshapkova V. A., Shmeleva T. V.** Derivatsionnaya paradigma predlozheniya [Derivative Sentence Paradigm]. *MSU Bulletin. Series: Philology*, 1981, no. 2. (in Russ.)
- Burkova S. I.** Kratkii ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) [A Brief Overview of Grammar of the Tundra Dialect of the Nenets Language (On Subdialect Materials Found in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. In: *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka* [Nenets Dialectological Dictionary]. Ed. by N. B. Koshkareva. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010, p. 180–349. (in Russ.)
- Cheremisina M. I.** Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka [The Paradigm of Elementary Simple Sentences as Language Units]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Siberian Languages]. Novosibirsk, 2003, iss. 11, p. 3–29. (in Russ.)
- Dzhabrailova V. S.** K voprosu ob opredelenii sintaksicheskoi paradigmy [On the Issue of Definition of Syntactic Paradigm]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 10 (52), pt. 2, p. 90–92. (in Russ.)
- Formanovskaya N. I.** Rechevoe obschenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod [Spoken Communication: The Communicative and Pragmatic Approach]. A Textbook. Moscow, IKAR Publ., 2002, 234 p. (in Russ.)
- Gortsevskaya V. A., Kolesnikova V. D., Konstantinova O. A.** Evenkiisko-russkii slovar' [Evenki-Russian Dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1958, 310 p. (in Russ.)
- Grabe V.** Obschee znachenie sintaksicheskoi konstruksii i transformatsiya [General Meaning of Syntactic Constructions and Transformations]. *Československá rusistika*, XI, 1966, no. 2. (in Russ.)
- Grishina N. I.** Esche odna paradigma predlozhenii [Yet Another Paradigm of Sentences]. Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike [The Traditional and the New in Russian Grammar: In Memory of V. A. Beloshapkova]. Comp. by T. V. Beloshapkova, T. V. Shmeleva. Moscow, Indrik Publ., 2001, p. 215–218. (in Russ.)
- Kasum muv mon'schat-putrat: Skazki-rasskazy Zemli Kazym'skoi [Kasum muv mon'schat-putrat: The Tales and Stories of the Kazym Land]. Comp. by S. S. Uspenskaya. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002, 292 p. (in Russ.)
- Kolesnikova V. D.** Sintaksis evenkiiskogo yazyka [Evenki Syntax]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 246 p. (in Russ.)
- Koshkareva N. B.** Kommunikativnaya paradigma khantyiskogo predlozheniya [Communicative Paradigm of Khanty Sentences]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Siberian Languages]. Novosibirsk, 2002, iss. 12, p. 29–44. (in Russ.)
- Koshkareva N. B.** Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgut'skom dialekte khantyiskogo yazyka (v sopostavlenii s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyiskogo yazyka) [Expression of Thematic-Rhematic Articulation of Sentences in the Surgut Dialect of the

- Khanty Language (Compared to Other Uralic Languages and Khanty Dialects)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2007, vol. 6, no. 2: Philology, p. 34–43. (in Russ.)
- Koshkareva N. B., Yangasova N. M.** O funktsionirovanii vspomogatel'nykh glagolov v priural'skom govore tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka [On the Functioning of the Auxiliary Verbs in the Priuralye Subdialect of the Tundra Dialect of the Nenets Language]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Academic Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]*, 2008, iss. 6 (58): Northern Siberian Uralic Languages, p. 96–103. (in Russ.)
- Lomtev T. P.** Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii [The Sentence and Its Grammatical Categories]. Moscow, 1972, 196 p. (in Russ.)
- Moskalskaya O. I.** Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa [Issues of Systemic Syntax Description]. Moscow, 1974. (in Russ.)
- Nenentskii fol'klor: Mify, skazki, istoricheskie predaniya [The Nenets Folklore: Myths, Tales, and Historical Legendry]. Comp. by K. I. Labanauskas. Krasnoyarsk, Taimyrskii okruzhnoi tsentr narodnogo tvorchestva Publ., 1995. (in Russ.)
- Nenetskii fol'klor [The Nenets Folklore]. Comp. by Z. N. Kupriyanova. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1960, 315 p. (in Russ.)
- Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N.** Communicative roles in Ostyak syntax. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1993, no. 51 / 1–3, p. 125–167.
- Nikolaeva I.** Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure. *Studies in Language*, 1999, no. 23, p. 341–386.
- Nikolaeva I.** Secondary Topic as a Relation in Information Structure. *Linguistics*, 2001, no. 39, p. 1–49.
- Nikolaeva I. A.** Konstruktsii so vtorichnym topikom [Constructions with Secondary Topics]. *Lingvisticheskii bespredel [The Linguistic Chaos]. An Anthology for A. I. Kuznetsova's 70th Anniversary.* Moscow, Moscow University Publ., 2002, p. 274–288. (in Russ.)
- Obschee yazykoznanie: vnutrennyaya struktura yazyka [General Linguistic: The Inner Structure of Language]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka Publ., 1972, 564 p. (in Russ.)
- Raspopov I. P.** Neskol'ko zamechaniy o sintaksicheskoi paradigmatiche [Some Notes on Syntactic Paradigmatics]. *Voprosy yazykoznaniiya [Issues of Linguistics]*, 1969, no. 4, p. 92–100. (in Russ.)
- Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm [Russian Verbal Lexis: the Crossing of Paradigms]. Ed. by L. G. Babenko. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1998, 520 p. (in Russ.)
- Russkie glagol'nye predlozheniya: Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar' [Russian Verbal Sentences: An Experimental Syntactic Dictionary]. Ed. by L. G. Babenko. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002, 462 p. (in Russ.)
- Samoilova E. G.** Glagol'nye modeli elementarnogo prostogo predlozheniya v evenkiiskom yazyke [Verbal Models of Elementary Simple Sentences in Evenki]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Indigenous Siberian Languages]*. Novosibirsk, 2003, iss. 11, p. 60–107. (in Russ.)
- Savosina L. M.** Sintaksicheskaya paradigma predlozheniya i ee sootnesennost' s aktualizatsionnoi paradigmoi [Syntactic Paradigms of Sentences and Their Relations with Paradigms of Actualization]. *Russkii yazyk za rubezhom [The Russian Language Abroad]*, 1998, no. 3. (in Russ.)
- Savosina L. M.** Transformatsionnaya paradigma predlozheniya i ee sootnesennost' s aktualizatsionnoi paradigmoi [Transformational Paradigms of Sentences and Their Relations with Paradigms of Actualization]. *Voprosy yazykoznaniiya [Issues of Linguistics]*, 2000, no. 1, p. 66–74. (in Russ.)
- Sedel'nikov E. A.** Struktura prostogo predlozheniya s tochki zreniya sintagmaticheskikh i paradigmaticeskikh otnoshenii [Structures of Simple Sentences in the Aspect of Syntagmatic and Paradigmatic Relations]. *Filologicheskie nauki [Philological Sciences]*, 1961, no. 3, p. 66–77. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** Paradigmatika prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke (opyt tipologii) [Paradigmatics of Simple Sentences in Modern Russian (An Experiment in Typology)]

- gy)]. In: *Russkii yazyk. Grammaticheskie issledovaniya* [The Russian Language. Studies in Grammar]. Moscow, 1967, p. 3–77. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** Spornye voprosy opisaniya strukturnykh skhem prostogo predlozheniya i ego paradigm [Issues of Description of Structure Schemes of Simple Sentences and Their Paradigms]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of Linguistics], 1973, no. 4, p. 25–36. (in Russ.)
- Solovar V. N.** Paradigma prostogo predlozheniya v khantyiskom yazyke [Simple Sentence Paradigm in the Khanty Language]. Novosibirsk, Lyubava Publ., 2009, 250 p. (in Russ.)
- Sosa S.** Functions of morphosyntactic alternations and information flow in Surgut Khanty. Helsinki, 2017, 236 p.
- Sovremenniy russkii yazyk* [The Modern Russian Language]. Ed. by V. A. Beloshapkova. Moscow, 1997. (in Russ.)
- Tereschenko N. M.** Nenetskii epos [The Nenets Epic]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 335 p. (in Russ.)
- Tereschenko N. M.** Nenetsko-russkii slovar' [Nenets-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965, 408 p. (in Russ.)
- Ubrayatova E. I.** Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. II. Slozhnoe predlozhenie [Studies in Yakut Syntax. II. The Complex Sentence]. Novosibirsk, 1976. Book 1–2. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Grammaticheskii ocherk evenkiiskogo yazyka [Evenki Grammar: An Overview]. Evenkiisko-russkii slovar' [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow, 1958, p. 641–802. (in Russ.)
- Vsevolodova M. V.** Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka: Uchebnik [Theory of Functional-Communicative Syntax: A Fragment of Practical (Pedagogical) Language Model: A Textbook]. Moscow, MSU Publ., 2000, 501 p. (in Russ.)
- Vsevolodova M. V., Dementieva O. Yu.** Problemy sintaksicheskoi paradigmтики: kommunikativnaya paradigma predlozhenii [The Problem of Syntactic Paradigmatics: The Communicative Paradigm of Sentences]. Moscow, 1997, 176 p. (in Russ.)
- Worth D. L.** The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and Slavic languages. In: *American Contributions to the V International Congress of Slavists*. Sofia, The Hague, 1963.
- Zimek P.** Semanticheskii aspekt sintaksicheskoi transformatsii [Semantic Aspects of Syntactic Transformations]. *Československá rusistika*, XI, 1966, no. 2. (in Russ.)
- Zolotova G. A.** Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (in Russ.)
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu.** Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Russian Communicative Grammar]. Moscow, 1998, 524 p. (in Russ.)

Список условных сокращений и обозначений

аган. – аганский говор лесного диалекта ненецкого языка; **каз.** – казымский диалект хантыйского языка; **лесн.** – лесной диалект ненецкого языка (лесной ненецкий язык); **ненецк.** – ненецкий язык; **пур.** – пуровский говор лесного диалекта ненецкого языка; **сург.** – сургутский диалект хантыйского языка; **тундр.** – тундровый диалект ненецкого языка; **хант.** – хантыйский язык; **шур.** – шурышкарский диалект хантыйского языка; **эвенк.** – эвенкийский язык

∅ – позиция нулевого аффикса; **ABL** – показатель отложительного падежа; **ACC** – показатель винительного падежа; **ACC IND** – показатель неопределенного винительного падежа; **CL** – клитика; **CONNeg** – показатель коннегатива; **Сop** – глагол-связка; **CV** – показатель деепричастия; **DAT** – показатель дательного-направительного падежа; **DU** – показатель двойственного числа; **FREQ** – показатель фреквентатива; **GEN** – показатель родительного падежа; **НАВ** – показатель хабиуталиса; **IMP** – показатель повелительного наклонения; **INCP** –

начинательный вид; **INSTR** – показатель творительного падежа; **INSFIN** – показатель творительного падежа; **Loc** – локализатор; **MOM** – показатель моментального вида; **N** – имя существительное; **N^{AG}_{NOM}** – субъект-агенса, выраженный именем существительным или его субститутом в форме именительного падежа; **N^{Funct}** – функтив; **N^{OBJ}_{ACC}** – объект, прототипически выраженный именем в форме винительного (или именительного) падежа; **N^{Pat}** – пациенс; **NEG** – отрицательная частица (в хантыйском языке), отрицательный глагол (в ненецком языке); **NOM** – показатель именительного падежа; **Ob** – объект; **OBJ** – показатель объектного спряжения; **OBL** – косвенная основа; **PART** – показатель причастия; **PASS** – показатель страдательного залога; **PAST** – показатель прошедшего времени; **PL** – показатель множественного числа; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **POSS.1SG.SG** – лично-притяжательный аффикс 1-го лица единственного числа субъекта обладания при единственном числе объекта обладания; **PP** – показатель причастия прошедшего времени; **PR, PRS** – показатель настоящего времени; **PrP** – показатель причастия настоящего времени; **PR.PERF** – настоящее совершенное время; **PRTCL** – частица; **PST** – показатель прошедшего времени; **refl** – показатель рефлексивного спряжения; **REFL** – лично-числовой аффикс рефлексивного спряжения; **S** – субъект; **SG** – показатель единственного числа; **SUBJ** – показатель субъектного спряжения; **T//R** – граница тема-рематического членения; **V** – глагол; **VN** – глагольное имя; **V_f^{ACT}** – акциональный предикат (глагол с семантикой креативного, деструктивного, трансформационного воздействия на объект, обозначающий появление, повреждение, разрушение объекта в результате воздействия, воздействие с последующим качественным изменением объекта или без него)

Материал поступил в редколлегию

*Received
05.09.2019*

Сведения об авторе

Кошкарева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
koshkar_nb@mail.ru

Information about the Author

Natalya B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor, Head Researcher at the Sector of Siberian Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Head of Chair of General and Russian Linguistics, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
koshkar_nb@mail.ru